

**1-е место. Номинация «Нет в России семьи такой, где не памятен свой герой»
Наталья Донская (Саянск, 16 лет)**

«Бери да помни»

Так назывался прочитанный когда-то мною рассказ Виктора Петровича Астафьева. Рассказ о событиях первой послевоенной весны, о солдате Арсении, о девушке Фисе, о том, как не потерять чувство радости и ощущение покоя, как вообще сохранить в себе желание жить дальше... А что, в самом деле, мешает «взять» да и «запомнить»? Да так чтоб на всю жизнь, чтобы навсегда. Так, как это помнят люди, пережившие войну. Уже столько сказано, столько написано воспоминаний о тех, как нам кажется, очень далеких событиях. Есть и художественные, и публицистические страницы, посвященные великим битвам и полководцам. А есть самые простые слова конкретного человека – маленькой ленинградской девочки, чье нравственное начало оказалось сильнее самой страшной безнравственной силы середины двадцатого века. Вот об этом я и хочу рассказать.

Праздник День Победы в нашей стране – особый праздник. К нему готовятся, его отмечают очень искренне и торжественно. В нашей школе есть добрая традиция – поздравлять ветеранов словами благодарности за их подвиг, дарить цветы, небольшие памятные подарки. Мне дали задание – надо было собрать материал с воспоминаниями о войне для статьи в школьной газете, а для этого непременно встретиться с участником событий.

Найти адрес в местном Совете ветеранов – дело нетрудное. С каждым годом тает список с фамилиями участников войны. Оно и понятно: время идет... Дедушки, бабушки... Карнаухов Михаил Григорьевич – единственный участник Сталинградской битвы. 95 лет! Участники, труженики тыла, вдовы погибших... Вот! Блокадники. Три женщины, пережившие блокаду Ленинграда, живут в нашем городе. Знаменская Зинаида Егоровна... Фамилия красивая – схожу. Я понимала, что человеку, прожившему долгую жизнь, есть чем поделиться, есть о чем рассказать. Посижу, послушаю. Времени было достаточно. Это я так рассуждала перед встречей. Даже составила какие-то глупые вопросы: «А что вы чувствовали?», «А какие самые ужасные воспоминания?..»

Встреча наша состоялась субботним вечером в доме Зинаиды Егоровны. И никакой бабушки я не увидела! Моложавая, ухоженная, модно одетая дама. В комнатах очень красиво: кругом цветы, чистота. На стене гостиной – трогательные «портреты» трех собак (наверное, чем-то памятных хозяйке). И еще разные картины: натюрморты, пейзажи. Беседа была не очень долгой, но искренней и доброй. Я попросила Зинаиду Егоровну рассказать о своём детстве. Ее воспоминания и легли в основу моих записей.

Какие могут быть воспоминания у человека, пережившего войну?! Начиналось всё, как у большинства обычных детей предвоенной поры. Зина родилась 11 марта 1935 года в городе Ленинграде. В семье, кроме Зины, было ещё трое детей. «Отец работал водителем, получил квартиру в районе Пискаревского кладбища (это потом оно станет мемориальным местом захоронения погибших жителей). В первые дни войны папу проводили на фронт, и с тех пор семья его больше не видела. Беззаботное детство осталось в прошлом. Надо было жить по законам военного времени. Тогда еще никто не мог предположить, какие испытания готовит судьба ленинградцам. Остались мы в городе неслучайно: мама была уверена, что война долго не продлится. Может, она тогда еще надеялась, что папа вернется?»

Немцы вели наступление на Ленинград с самого начала войны. Уже в августе в город невозможно было добраться железнодорожным транспортом. Но официальная дата начала блокады – 8 сентября 1941 года. На тот момент в городе оставалось 2,5 миллиона жителей. Среди

них – около 400 тысяч детей... Главкомандующий немецкой армией Лееб отправил Гитлеру вопрос: «Что делать в том случае, если около ограждения из колючей проволоки на подступах к Ленинграду соберутся толпы женщин и будут поднимать над головами своих детей?» Ответ Гитлера: «Открывать огонь». Было отдано распоряжение: не брать в плен ни живых, ни раненых, ни гражданских, ни военных.

Очень сложным и драматичным был первый год блокады. В ноябре 1941 была установлена норма хлебного пайка для рабочего – 250 граммов. Остальным полагалось вдвое меньше. 125 граммов! «Меня часто спрашивают: «Как удалось выжить в блокаду?» И действительно – как? Ведь 125 граммов хлеба – да и хлебом-то этот вязкий черный комочек не назовешь – и вода из талого снега – все это уже за пределами человеческого существования».

Весной удалось избежать эпидемии. Жителей просьбами и убеждениями, а иногда и давлением вывели на улицы, чтобы убрать горы снега, перемешанные с бытовым мусором, трупами погибших.

Девочке Зине было всего 6 лет. Ее воспоминания о жизни того времени носят особый характер, ведь она тогда была совсем маленькой, а дети на все смотрят по-особому. Говорит, что было очень страшно, когда раздавался протяжный вой сирены. Начиналась бомбежка – дети прятались в сарай и там переживали это страшное время. Выходили из убежища и видели вокруг тела погибших людей... Постепенно привыкли к таким сценам. Смерть перестала пугать, она стала обыденным явлением. Никто не кричал, не плакал навзрыд. Умерших хоронили молча. «Слез в городе не было. Было тихое и всепоглощающее горе», – говорит участница блокады Ленинграда. В глазах матери Зина тоже никогда не видела слез: надо было давать детям надежду на то, что все испытания скоро закончатся.

Блокаду переживали впятером: мама, Толик (4 года), Зина (7 лет), Алексей (9 лет), Миша (12 лет). Если бы Зина Клементьева вела дневник, как ленинградская девочка Таня Савичева, то холодным декабрьским утром в нём появилась бы запись: «Сегодня умер Миша». Брат Миша умер от истощения, а накануне вечером уговаривал младших съесть его кусочек хлеба, объясняя, что он всё равно умрёт. И возможно, крохи еды, предназначенной ему, если и не спасли жизнь двух сестренок и брата, то хотя бы чуть-чуть облегчили их страдания. Мама решила похоронить ребенка по православному обычаю. Она выкопала могилку в мёрзлой земле Богословского кладбища. (Позже, в 1963 году, в этой же могиле будут хоронить и её, тогда и обнаружат останки Миши, завёрнутые в одеяльце.)

Всех жителей блокадного Ленинграда преследовало непреодолимое чувство голода. Ели всё, что удавалось найти: траву, кисель из куриного помета, варили столярный клей, брикеты которого получали по талонам. Младший, четырехлетний Толик все время просил есть, и никакие уговоры на него не действовали. Какие же муки должна испытывать женщина, когда ее ребенок просит есть, а дать нечего?! Мама Зины, закончив медицинские курсы, работала в госпитале и приносила детям те крохи, что оставались от обедов раненых. Когда уходила на работу, строго-настрого запрещала детям открывать двери. Зинаида Егоровна говорит, что единственной радостью в то тяжелое время был маленький кусочек хлеба, который выдавали по талонам.

Чтобы сберечь Зину, мама обратилась за помощью к своей сестре Анне, которая работала шофёром при воинской части. Там была спасительная еда, пусть и скудная, но всё же не те обрезки ремней и комки казеинового клея, от которых нестерпимо болели животы. И там Зину выходили, выкормив овощами, которые родил небольшой огород.

Прорыв блокады состоялся в 1943 года, когда произошло соединение Волховского и Ленинградского фронтов. Зинаида Егоровна прожила весь период блокады в Ленинграде от самого начала и до самого конца, до 27 января 1944 года.

И ещё одно воспоминание постоянно всплывает в памяти героической женщины... «Когда появилась возможность вывезти детей по Ладожскому озеру, были сформированы три баржи, которые тащил маленький буксир. Уцелевших членов семьи Клементьевых отправили в Башкирию, в маленькую деревушку. Караван уже тронулся в путь. Но внезапно налетевший фашистский бомбардировщик потопил две баржи. На поверхности воды качалось множество детских панамок и других вещей погибших».

Об отце они узнают позже: в бою под Сталинградом он был очень тяжело ранен и умер от болевого шока в госпитале. Это известие отобрало у семьи последнюю надежду на то, что когда-нибудь их беды и несчастья закончатся. Надо было продолжать жить без отца и брата Миши. Надо было научиться жить по-другому. Теперь их осталось четверо.

День Победы ленинградская девочка встретила в Башкирии, в Стерлитамакском районе, в деревне Ивановка, куда их с семьей перевезли после снятия блокады. Местные жители с большой заботой отнеслись к голодным, осиротевшим беженцам. В середине мая 1945 года семью Зины отправили домой, в Ленинград. Дом, где они жили, не сохранился. Пришлось какое-то время ютиться у тети Нюры, выходявшей в свое время Зину. Затем семье дали комнату.

Зинаида Егоровна жила и продолжает жить насыщенной, яркой творческой жизнью. Вместе с мужем-военным переезжала с места на место, неустанно создавая вокруг себя уют. Всю свою послевоенную жизнь проработала библиотекарем (как и героиня рассказа Астафьева). Говорит, что пережитая блокада Ленинграда особо не повлияла на ее характер и здоровье. Ее главные качества: человеколюбие, сдержанность, умеренность во всем, терпеливость – располагают любого, кто оказывается рядом.

Есть у Зинаиды Егоровны и государственные награды. Она награждена медалями «900 дней, 900 ночей» и «В честь 80-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады».

Сейчас у Зинаиды Егоровны большая семья: дети, внуки. Есть и правнуки. Одного из правнуков зовут Михаил. У него есть все, что должно быть у ребенка: любовь, тепло, яркие игрушки, а главное – еда, которой так не хватало тому двенадцатилетнему мальчику Мише в холодной ленинградской квартире... А ещё Зинаида Егоровна очень любит дом, дачу, цветы. Представляете, она умеет рисовать красивые картины, но стесняется их показывать на публике, говорит: «страшные». Нет, они очень красивые, на них изображены цветы, фрукты. Страшные картины остались там, в далёком блокадном ленинградском детстве.

История жизни этой женщины потрясает. Я много читала о блокадном Ленинграде, но когда живые свидетели той поры делятся воспоминаниями, совсем иначе начинаешь осознавать то, что происходило в годы войны. Я не услышала от нее сожаления по поводу пережитого. Пожалуй, была боль за маленького брата, который тоже мог бы остаться в живых; за отца, которого так не хватало детям в послевоенные трудные годы; за маму, которая так одержимо спасала своих детей, не думая о себе.

Обычно пожилые люди сентиментальны, и воспоминания о прошлом вызывают у них слезы на глазах. Но ни тогда, в войну, ни сейчас слез у Зинаиды Егоровны не было, как не было их у мужественных жителей Ленинграда...

...Наша беседа закончилась. Мои дурацкие вопросы превратились в мятую трубочку. Я ничего не спрашивала – и так всё было ясно. «Бери и помни!» Бери тот бесценный жизненный опыт, помни о том, о чем всю жизнь помнит эта хрупкая женщина.

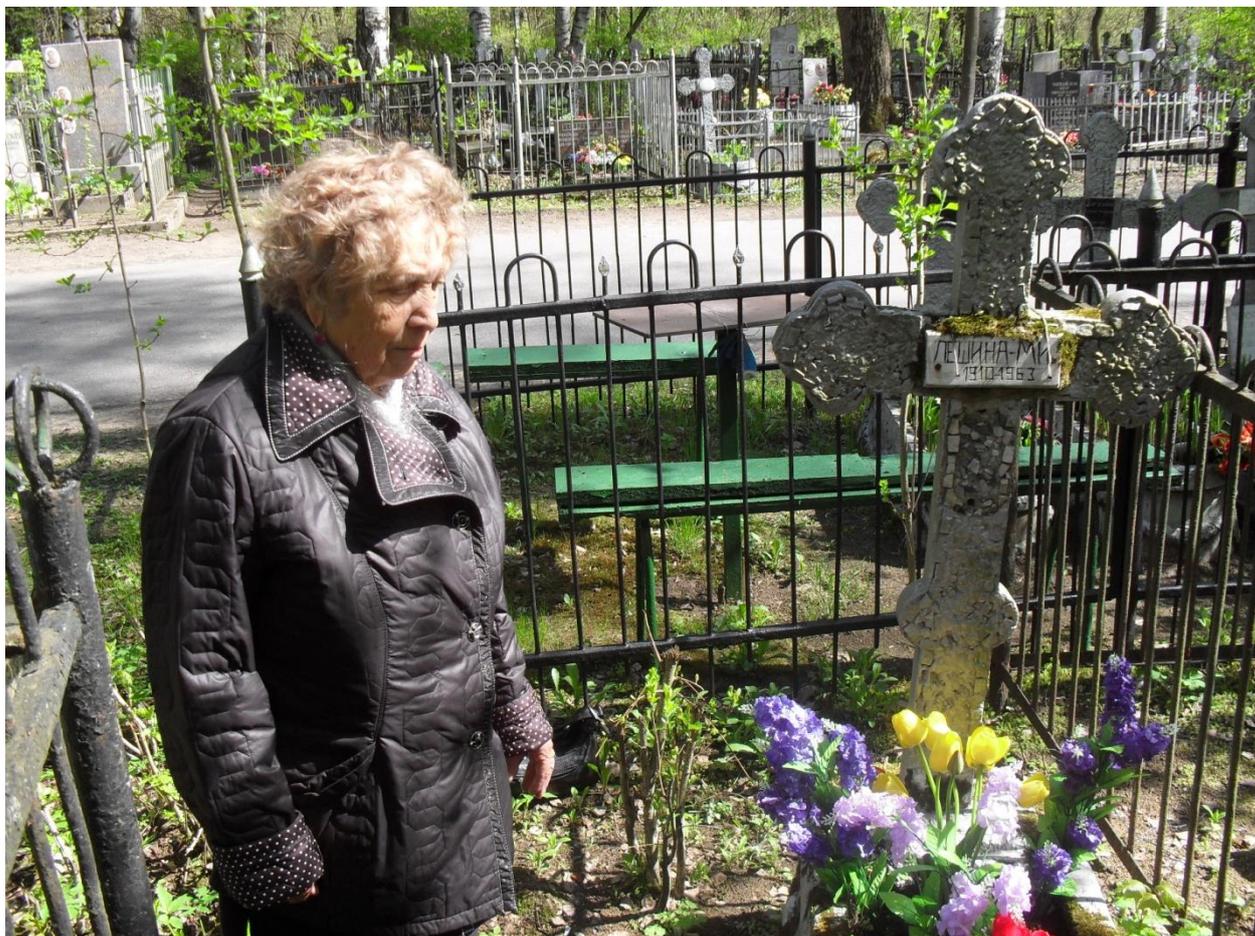
Один-единственный вопрос не давал покоя: откуда берётся та нравственная сила, которая помогает человеку выстоять? И если нечеловеческие испытания выдержала маленькая девочка, то какой же духовной мощью обладает весь наш народ?!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Знаменская

Зинаида Егоровна

Зинаида Егоровна у могилы мамы и брата на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге

Картина «Медсестра». Художник – старший сын Зинаиды Егоровны, Александр
Анатольевич Знаменский